

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 930.2, 94(517), 94(55)
DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-8-28

Улуг битикчи — тюрко-монгольский институт, интегрированный в систему мусульманской администрации чингизидских государств XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб»)

*Ленар Фиргатович Абзалов¹, Марат Салаватович Гатин²,
Ильяс Альфредович Мустакимов³, Роман Юлианович Почекаев⁴*

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal[at]mail.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata[at]mail.ru

³ Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (д. 2, ул. К. Сатпаева, 010000 Астана, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007[at]mail.ru

⁴ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 3, ул. Кантемировская, 194100 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор,
заведующий кафедрой

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev[at]hse.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье на основе ярлыка из персидского средневекового трактата «Дастур ал-катиб» дается характеристика института улуг битикчи (старшего писца или главы писцов), имевшего распространение в Монгольской империи и государствах потомков Чингис-хана, выделившихся из него впоследствии. Целью исследования является междисциплинарный анализ исторического памятника — ярлыка о назначении на должность улуг битикчи, включенного в состав сочинения «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного в середине XIV в. иранским чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследова-

ния составляет в первую очередь сам исследуемый ярлык, а также другие материалы из сочинения «Дастур ал-катиб», иные средневековые источники о монгольском Иране и других государствах Чингизидов рассматриваемого периода, в том числе сочинения Джувейни, Рашид ад-Дина, Фасиха Хавафи и др., актовые материалы средневековых чингизидских канцелярий. Исследование осуществлялось с помощью исторических и юридических методов: источниковедческого, дипломатического, сравнительно-исторического, формально-юридического, историко-правового, сравнительно-правового. *Результаты.* В рамках настоящего исследования впервые вводится в отечественный научный оборот ярлык о назначении на должность улуг битикчи, входящий в средневековый персидский трактат «Дастур ал-катиб», проведен детальный анализ этого документа на основе междисциплинарного анализа, дана характеристика правового статуса улуг битикчи (включая его права и обязанности, а также требования к кандидату на эту должность) в составе администрации государств Чингизидов, прослежена его эволюция. Выявлены причины, по которым данный тюрко-монгольский институт сохранился в указанных государствах даже после принятия ислама в качестве официальной религии и выстраивания системы управления в соответствии с мусульманскими традициями, действовавшими в Иране, Поволжье, Средней Азии еще до монгольского завоевания этих стран и регионов. *Выводы.* Сохранение института улуг битикчи в государствах Чингизидов после принятия ими ислама в качестве официальной религии должно было демонстрировать, во-первых, преемственность ильханов от Монгольской империи, откуда и был заимствован этот институт, во-вторых – стремление ильханов Ирана (равно как и их родственников — правителей Золотой Орды и Чагатайского улуса в Средней Азии) к компромиссу в управлении своими разнообразными подданными, среди которых были кочевые и оседлые народы, носители тюрко-монгольских и иранских языков, мусульмане и представители иных религий.

Ключевые слова: монгольский Иран, ильхан, Монгольская империя, Золотая Орда, Чагатайский улус, тюркский язык, монгольский язык, ярлык, улуг битикчи

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)» (№ 23-18-00147).

Для цитирования: Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. Улуг битикчи — тюрко-монгольский институт, интегрированный в систему мусульманской администрации чингизидских государств XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб») // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 8–28. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-8-28

Ulug Bitigchi: A Turko-Mongol Institution in the Islamic Government System of Chinggisid States, 13th–14th Centuries (Analyzing Materials of Dastur al-Katib)

*Lenar F. Abzalov*¹, *Marat S. Gatin*², *Ilyas A. Mustakimov*³,
*Roman Yu. Pochekaev*⁴

¹ Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal[at]mail.ru

² Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata[at]mail.ru

³ L. N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpayev St., 010000 Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007[at]mail.ru

⁴ National Research University Higher School of Economics (3, Kantemirovskaya St., 194100 St. Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Professor, Head of Department

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev[at]hse.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines a *yarliq* from the medieval Persian treatise *Dastur al-Katib* to characterize the institution of *ulug bitigchi* that used to be widespread in the Mongol Empire and states of Genghis Khan's descendants. *Goals.* The study attempts an interdisciplinary analysis of the historical monument — one *yarliq* appointing an *ulug bitigchi* (head of scribes) and contained in *Dastur al-Katib fi Tayin al-Maratib* (A Scribe's Guide to Determining Ranks) compiled in the mid-14th century by Persian official Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Materials and methods.* The paper focuses on *Dastur al-Katib* and the mentioned *yarliq* proper, involves related medieval sources on Mongol Iran and other Chinggisid states, including works by Juvayni, Rashid al-Din, Fasih Khwafi, etc., official documents of the Chinggisid chancelleries. The work employs a series of historical and legal research methods, such as those of source criticism, diplomatics analysis, comparative historical research, formal legal approach, historical legal and comparative legal analyses. *Results.* The paper introduces the *yarliq* appointing an *ulug bitigchi* from the medieval Persian treatise *Dastur al-Katib* into Russian-language scientific discourse and supplements it with a detailed interdisciplinary analysis. The work clarifies specific features of an *ulug bitigchi*'s legal status — including his functions, rights, requirements for candidates in Chinggisid chancelleries — and traces its evolution. It also shows reasons for the survival of the institution in those states even after the official conversion to Islam and shaping of a corresponding government system in accordance with traditions that had existed across the Volga Region, Iran and Central Asia long before the Mongol conquest. *Conclusions.* The fact that the institution of *ulug bitigchi* did survive the subsequent Islamization was to primarily position of Ilkhans as heirs of the Mongol Empire where it had first been established as well as to seek a compromised approach in governing their various subjects — nomadic and sedentary peoples, Turko-Mongols and those who spoke Iranian languages, Moslems and adherents of other religions.

Keywords: Mongol Iran, *ilkhan*, Mongol Empire, Golden Horde, Chagatai Ulus, Turkic language, Mongolian language, *yarliq*, *bitigchi*, *ulug bitigchi*

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00147 ‘Social and Political organization of the Eurasian area in the Middle Ages (by the example of the Golden Horde and Iran of 13th–14th cc.)’.

For citation: Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. *Ulug Bitigchi: A Turko-Mongol Institution in the Islamic Government System of Chinggisid States, 13th–14th Centuries (Analyzing Materials of Dastur al-Katib).* *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 8–28. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-8-28

Введение

Продолжая серию исследований, посвященных особенностям развития управленческой и канцелярской культуры в государствах Чингизидов на основе материалов средневекового персидского трактата «Дастур ал-катиб», начатую публикацией, посвященной должности бахши [Абзалов и др. 2022б], авторы обращаются к изучению еще одной канцелярской должности — улуг битикчи¹, название которой можно буквально перевести как «великий писец». Помимо расширения представлений об особенностях деятельности канцелярии ханов-Чингизидов в XIII–XIV вв., этот институт также интересен тем, что продолжил свое существование в государствах — преемниках Монгольской империи (откуда, собственно, он и был заимствован) даже после того, как в этих государствах был принят в качестве официальной религии ислам, и многие мусульманские управленческие и правовые институты стали неотъемлемой частью системы власти, что в полной мере распространилось и на организацию делопроизводства и канцелярского дела.

Авторы видят свою задачу в том, чтобы на основе вновь вводимого в отечественный научный оборот историко-правового памятника — ярлыка о назначении на должность улуг битикчи, включенного в трактат «Дастур ал-катиб» (после перевода, осуществленного в 1980-х гг. С. Хатиби, о чем подробнее будет сказано ниже), проанализировать роль и значение этого чиновника в чингизидской системе управления, а также выяснить, по какой причине он сохранялся в государствах потомков Чингис-хана после принятия ислама и замещения ряда тюрко-монгольских институтов их мусульманскими аналогами.

История вопроса, материалы и методы исследования

Изучением канцелярской культуры Монгольской империи и отдельных чингизидских государств занимался целый ряд исследователей-востоковедов. Среди них можно, в частности, назвать Н. Н. Поппе [Поппе 1941], Д. Синора [Sinor 1982], Э. Шаванна [Chavannes 1904; Chavannes 1905; Chavannes 1908], Ф. В. Кливза [Cleaves 1951], И. де Рахевильца [Rachewiltz 1966], А. П. Григорьева [Григорьев 1978], И. Т. Зограф [Зограф 1984], М. А. Усманова [Усманов 1979], Л. Ф. Абзалова [Абзалов 2013], Д. Мацуи [Matsui 2016; Matsui 2018], М. Вера [Ver 2019]. Насколько нам известно, должность улуг битикчи не выступала объектом отдельного исследования, тем более — на основе вышеупомянутого ярлыка из «Дастур ал-катиб».

Данный документ приведен во втором томе трактата, причем является единственным примером такого ярлыка — в отличие от большинства других ярлыков, который Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани, как правило, приводит по три образца. Он помещен в разделе, озаглавленном «О поручении постов и должностей везирам, членам Великого Дивана и их помощникам». Необходимо отметить, что ранее перевод ярлыка о назначении улуг битикчи

¹ По мнению некоторых исследователей, слово bitigči происходит от китайского pì, pìet, что означает кисточку для письма [Севортян 1978: 155–158]. См. также: [Поппе 1938: 118; Бартольд 1968: 508; Габен 1986: 161; Севортян 1978: 155–158; Баскаков 1987: 72]. Составители словаря [ДТС 1969: 104] приводят также параллель с сирийским petqa ‘памятник’ [ДТС 1969: 104].

на русский язык издал С. Хатиби [Хатиби 1985: 110–111]. Публикатор пользовался материалами из архива В. Г. Тизенгаузена, хранящимися в Институте восточных рукописей РАН [Хатиби 1985: 94, прим. 1]. Перевод, опубликованный С. Хатиби, несколько сокращен: опущена пространная преамбула, некоторые фрагменты также нельзя признать вполне точными. В связи с этим мы сочли целесообразным подготовить новый перевод этого документа на русский язык.

В настоящем исследовании авторы предпринимают междисциплинарный анализ указанного документа, включая его перевод и сравнение с другими известными современной науке источниками, в том числе официальными актами и историческими сочинениями. Для этого, кроме ярлыка о назначении на должность улуг битикчи, привлекаются официальные документы Монгольской империи, ильханского Ирана и других государств Чингизидов XIII–XIV вв., свидетельства современников (китайских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина, папского посла Иоанна де Плано Карпини), официальная придворная историография чингизидских государств (труды Ата-Малика Джувейни, Рашид ад-Дина, китайская династийная хроника «Юань ши», сочинения Фасиха Хавафи и др.), словарные материалы (средневековый словарь «Мукаддимат ал-адаб» и «Древнетюркский словарь»).

Поскольку исследуемый ярлык (равно как и сочинение «Дастур ал-катиб в целом) представляет многоплановый интерес, являясь и историческим, и историко-правовым, и, в какой-то мере, историко-филологическим источником, его анализ носит междисциплинарный характер. Авторы настоящей статьи в силу своей специализации используют:

- источниковедческий метод, позволяющий дать общую характеристику памятника и его место среди источников по исследуемой тематике;
- дипломатический анализ, в рамках которого исследуется структура, форма и содержание изучаемого документа, производится сопоставление с другими тюрко-монгольскими актовными материалами;
- сравнительно-исторический метод позволяет сравнить степень влияния тюрко-монгольских и персидских традиций организации системы управления и канцелярского дела в чингизидских государствах рассматриваемого периода;
- историко-правовой метод обеспечивает понимание закономерностей развития канцелярской традиции в Монгольской империи и государствах — ее наследниках, выявление причин их эволюции, включая развитие института улуг битикчи;
- формально-юридический метод дает возможность исследовать ярлык как правовой документ, структурировать информацию о правовом статусе улуг битикчи, его права, обязанности, требования к кандидатам на должность;
- наконец, сравнительно-правовой подход позволяет найти сходства и различия в развитии института улуг битикчи в разных государствах Чингизидов, понять причины этих различий.

<p align="center">Перевод документа</p> <p>Перевод Й. фон Хаммера-Пургштала [Hammer-Purgstall 1840: 486–487]¹ XVI. Грамота [ярлык] улуг битикчи, т. е. писцу страны (первый [образец])</p>	<p align="center">Перевод с оригинала</p> <p align="center">[Нахчивани 1976: 105–108]²</p> <p>[Часть вторая. О поручении постов и должностей везирам, членам Великого Дивана и их помощникам, содержащая двадцать пять разделов]. Раздел четвертый. О препоручении должности улуг битикчи государства⁵</p>
<p>Поскольку вечная и бесконечная благодать Бога, частью которой мы являемся, более велика, чем слова, которые мы можем выразить и что может постичь [наш] разум, то благодарить за милость и безграничное милосердие Предвечного и Всевышнего Господа является долгом высокодуховного человека. Одним из способов выражения этой благодарности является зачисление на службу выдающихся людей и передача им больших дел и благородных должностей, при этом исполнение ими службы должно производиться самым изысканным образом, и каждая должность, вверенная им, есть великая честь, потому что кормление³ такой должностью свободно от всякого сожаления и лишено всякой неудобоваримости и страдания. Поскольку ходжа⁴ Юмнеддин — один из величайших и лучших мужей, всегда признает божественную силу и ценит благодать Господа, так как он опоем чистой и безмерной милостью и удостоен наград на самых высоких вершинах славы, прилежно совершенствует все вверенные ему дела, направляя свое прекрасное стремление к одному — быть благодушно полезным Творцу и его созданиям, поелику мы слышим о его энергичных усилиях по надзору за важными делами, что является одной из его самых благородных привычек, так как это стало известно нам отчасти вследствие рассказов, отчасти благодаря собственным размышлениям, и в любом случае</p>	<p>Поелику Единым и Вечным [Богом] нам пожалованы столь неисчислимые милости и столь бесконечное благополучие, выразить которые не может ничто говорящее и осмыслить которое не может ничто мыслящее, в качестве благодарности за этот дар, пожалованный от щедрот Господа Бесконечного и полноты бесчисленных уделов Господа Всемогущего, [на нас] лежит обязанность. Полагая, что одним из способов донесения благодарности [Богу] является забота о способных, укрепление положения достойных и препоручение им видных постов, высоких должностей и [важных] занятий. При этом каждое порученное им дело должно исполняться ими точнейшим образом, каждая доверенная им должность должна исправляться наилучшим путем и результаты их деятельности не должны давать повод сожалеть об оказанном [им] доверии. Исполнение порученного им дела должно быть лишено дурных последствий. Поскольку ходжа Ямин ад-Дин относится к лучшим из знаменитых мужей и всегда прибегает к помощи Божественной благодати, будучи напоен Божией милостью, почитая [своим] долгом бесконечные благости Вечного [Бога] у сладостных источников Божьих щедрот, заняв высокие должности и значительные посты, исполняет всю совокупность порученных [ему] дел, и исполняет их наилучшим образом так, чтобы его добросовестность вызвала похвалу и довольство Творца и людей, и</p>

¹ Перевод на русский язык выполнен М. С. Гатиным.

² Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

³ У Й. фон Хаммер-Пургштала дано «die Tränke» — ‘питье’ [Hammer-Purgstall 1840: 486].

⁴ В данном случае под ходжой следует понимать ученого мужа, высокопоставленного сановника.

⁵ Букв. «провинций» (كلايم).

благоволило нас даровать ему высокие должности: таким образом, исходя из всего этого, службу улуг битикчи¹ — великого писца хорошо оберегаемых земель от границ Египта, Евфрата до Амударьи, от берегов Ормуза² до Врат Ворот³ (Дербента) поручена ему благодаря его совершенной справедливости, убедительной надежности и честности, безусловного уважения и притягательности, его усердию и умению, и рука его в этом важнейшем деле укрепится и сделается властной, чтобы он занимался всеми делами и вопросами, касающимися средств и расходов Дивана, согласно своему ясному благоразумию, дабы во всех делах и оказиях он заботился вместе с членами Дивана о рассмотрении самых незначительных вопросов, касающихся увеличения доходов, назначения интендантов и сборщиков налогов, чтобы он следил за приходно-расходными книгами и при необходимости нес за это ответственность. По этим причинам этот указ вступает в силу, дабы с началом этого года эмиры туменов и областей, члены Великого Дивана, эмиры тысяч и сотен, командующие и управляющие землями признали ходжу Юмнедина улуг битикчи хорошо оберегаемых земель, обращались к нему по всем вопросам, касающимся Дивана, проявляли к нему полное уважение, воспринимали его советы как руководство к действию и распоряжение, ничего не предпринимали без его учености и знаний, решительно и безоговорочно признавали его руководство в сохранении и исполнении этой благородной должности, признавали

благой результат [его] стараний в устройстве важных дел, проистекающий от его благородных обыкновений и славных навыков, известен нашему величеству как по молве и разговорам, так и по [нашим] наблюдениям и [личному] видению. В обоих случаях они заслуживают одобрения и похвалы и являются следствием поручения ему высоких должностей. Посему ему препоручается исправление должности улуг битикчи Богохранимых пределов от границ Египта до берегов реки Аму-Дарьи и от побережья Ормуза до Железных ворот (باب الابواب) с условием соблюдения полной справедливости, большой надежности и богобоязненности, совершенной проницательности и сообразительности, абсолютной компетентности и ответственности. Пусть власть⁴ его в этой важной миссии и большом деле будет твердой и полной, чтобы его светлый ум и блистательный разум были направлены на принятие решений и взимание налогов и податей, относящихся к компетенции Дивана⁵. Пусть будет в совете и согласии с членами Дивана в том, что касается [текущих] дел и важных вопросов народа, соблюдает осмотрительность и бдительность в том, что касается увеличения налогов (اموال) и назначения интендантов (امنا) и сборщиков налогов (عمال). Пусть [лично] проверяет реестры доходов и расходов, дабы в случае необходимости он мог ответить на адресованные ему вопросы. По этой причине сей указ вступает в силу так, что с начала года эмиры улуса, туменов, провинций (اولكا), члены Великого Дивана, эмиры тысяч и сотен,

¹ У Й. Фон Хаммер-Пургшталя дано: *Ulugh Bitekdschi* — *улуг битекджи* [Hammer-Purgstall 1840: 486].

² Ормуз (Хормуз) — крупный средневековый порт на одноименном острове в Персидском заливе. О нем упоминает Марко Поло: «...На берегу город Кормоз, тут пристань. Сюда, скажу вам, приходят на своих судах купцы из Индии; привозят они пряности и драгоценные камни, жемчуг, ткани, шелковые и золотые, слоновые зубы и другие товары; все это продают они другим купцам, а те, перепродавая, развозят по всему свету. В городе большая торговля» [Марко Поло 1997: 216].

³ Дословный перевод арабского наименования Железных Ворот — Баб-ал-Абваб (باب الابواب).

⁴ Букв. «рука» (دست).

⁵ Букв. «диванных налогов и податей».

назначаемых им заместителей, уполномоченных и доверенных лиц, регистрация налоговых поступлений и установление [новых] сборов во всех хорошо оберегаемых землях не может осуществляться без его ведома и знаний, налоги, которые с незапамятных времен определялись и устанавливались в реестрах от имени великих писцов земли, подлежат уплате его доверенным лицам, и пусть направляются помощники в места, на которые они укажут.

хакимы и мутасаррифы областей (ولایات) признавали Ямин ад-Дина [в качестве] улуг битикчи Богохранимых пределов во всех делах, связанных с деятельностью Дивана, обращались к нему, соблюдали [в отношении него] предписания почтения и повиновения, признавали его полномочным принимать решения по всем важным вопросам государства, не приступали ни к одному важному делу, не поставив его в известность, признавали его власть в исправлении данной высокой¹ должности полной и абсолютной. Пусть признают назначенных им его помощников (نواب) в каждой области его наместниками, уполномоченными, заместителями и порученцами. Пусть не передают дела (اعمال)² и не назначают сборщиков налогов во всех Богохранимых пределах, не поставив его в известность. Денежное жалование и внешние сборы (مرسوم مالی و رسوم خارجی), положенные по этой должности и расписанные в реестрах на имя прежних улуг битикчи, пусть таким же образом выплачиваются ему и его уполномоченным. Браты³ пусть будут составлены на те [доходные] места, которые он захочет. Пусть действуют согласно изложенному здесь и верят [этой грамоте]. Писано...

Институт битикчи и улуг битикчи в тюрко-монгольских государствах: возникновение и эволюция

Должность улуг битикчи в административную структуру Ирана была принесена монголами после его завоевания в середине XIII в. В предшествующие периоды, Хорезмшахов и Великих Сельджукидов, такой должности с указанной номинацией не существовало.

В монгольский язык термин «битикчи» (монг. бичэчи), очевидно, вошел из уйгурского языка [Владимирцов 1910: 160] и распространился благодаря чингизидской администрации не только в Иране, но и в Китае⁴, в которых, как известно, существовали многовековые бюрократические традиции.

В самом начале XIII в. в ставке Чингис-хана появляется новая должность — битикчи. Первым упоминаемым в источниках писцом-битикчи был керейт Си-

¹ Букв. «благородной» (شریف).

² Контекст допускает также возможность перевода термина اعمال как «подвластные местности».

³ О братах см. историко-правовой комментарий.

⁴ В китайских документах династии Юань писцов часто обозначали термином «бичэчи» [Зораф 1984: 42].

ра-Огул, назначенный самим Чингис-ханом в 1206 г. или чуть ранее [Rachewiltz 1966: 101]. Можно также допустить, что уйгур Тата Гунга (варианты написания имени: Та-та-тун-а, Татар Тона), плененный хранитель печати найманского правителя Таян-хана, в новом Монгольском государстве, наряду с обязанностями тамгачи, выполнял также функции битикчи [Кадырбаев 1983: 255–256].

Первоначально в монгольской административной системе не было строгого терминологического разделения должностей в сфере писмоводства, не случайно южносунский посол Сюй Тин отмечал: «У них также не существует должностей. Например, если человек ведаёт документами, то он называется бичэчэ» [Хэй-да ши-люе 1960: 140]. Очевидно в это время слово «битикчи» в административном плане носило универсальный характер и являлось общим наименованием приближенных хана, занятых канцелярской службой и гражданским управлением. Следует также заметить, что руководители канцелярии зачастую называли себя традиционными терминами, характерными для управленческой структуры Китая или Государства Хорезмшахов. Сюй Тин по этому поводу пишет: «Ила Чу-цай и Чжэньхай, которые сами называют себя титулами чжун-шу сян гун, вместе управляют государственными делами; Чжэньхай управляет не только мусульманами. У татар нет названия сян (министр. — Л. А., М. Г., И. М., Р. П.) и называют их [т. е. вышеуказанных лиц. — М. Г.] только бичэчэ, а бичэчэ на китайском языке означает линши (писарь. — Л. А., М. Г., И. М., Р. П.)» [Хэй-да ши-люе 1960: 137]. Как видно, эти весьма высокопоставленные в системе власти лица, вне зависимости от того, как они себя называли, для большинства монголов, в том числе для власть имущих, оставались просто битикчи.

По мере развития монгольской администрации и роста численности чиновного аппарата среди писцов выделяется улуг битикчи (йеке бичэчэ), в подчинении которого были рядовые битикчи и бахши. Интересно заметить, что должность, занимаемая Чинкаем, Иоанном де Плано Карпини именуется первым (старшим) секретарем (protonotarium, ср. с улуг битикчи) [Плано Карпини 2022: 113, 183], Сюй Тин — чжун-шу сян гуном и бичэчэ [Хэй-да ши-люе 1960: 137], Рашид ад-Дином — найбом, великим везиром и просто везиром каана [Рашид ад-Дин 1960: 101, 120, 138].

Вероятно, аналогичный пост занимал при хане Мунке (1251–1259) Булгай, которому в 1253 г. было поручено «заведовать битекчи¹, которые пишут и публикуют высочайшие указы и ярлыки, а также должностями всех чиновников-сэ-мужэнь» [Золотая Орда 2009: 190]. Ко времени завоевания Ирана должность битикчи или, вернее, улуг битикчи по своему функционалу уже была приравнена к должности государственного секретаря [Кычанов 1997: 194; ср.: Григорьев 2004: 95], который занимался, прежде всего, финансово-фискальными вопросами. Энн К. С. Лэмбтон переводит термин «битикчи» как «налоговый чиновник (revenue official) в ильханский период» (см. [Doerfer 1965: 266]). Г. Дёрфер и И. А. Вуллерс переводят термин «улуг битикчи» как «великий секретарь» (große Sekretär, magnus secretarius) [Doerfer 1965: 265–266]. В. Ф. Минорский приводит значение улуг битикчи как «ответственный чиновник особой канцелярии, в которой велась переписка уйгурским письмом» [Minorsky 1956: 269]. Эта традиция сохраняется и в последующем, когда в административную структуру

¹ Так в цитируемом источнике.

государств Чингизидов начинают проникать местные бюрократические элементы. Но в силу ряда причин в дальнейшем произойдет своего рода девальвация значения этой должности и ее вытеснение аналогичными, но более привычными для не-монголов номинациями. По мере упадка чингизидской политической системы битикчи утрачивает свое значение, и начинается своего рода обратный процесс, словом *битикчи* станут называть лишь писцов-делопроизводителей, в то время как государственных секретарей будут обозначать на китайский манер в Китае или арабо-персидский — в Иране [Hope 2016: 116, 119].

Первоначально битикчи осуществляли свои обязанности без вспомогательного аппарата, так как объем документооборота в орде был незначительным. Но при этом функции, исполняемые битикчи, были достаточно обширны, что было характерно для рассматриваемой эпохи. Битикчи являлись не только писцами-делопроизводителями, занимаясь оформлением указов правителя и тех или иных решений аппарата управления, а также, что немаловажно, и финансово-фискальными вопросами. Следует помнить о том, что фискальная политика монгольских ханов предполагала необходимость строгого учета облагаемых единиц, налоговых сборов и поступлений [Абзалов 2013: 156–174]. Битикчи в зависимости от способностей также были административными и фискальными советниками, знатоками календарей и астрологии [Rachewiltz 1966: 101], наставниками подрастающего поколения. Помимо этого, битикчи занимались дипломатической перепиской, более того, они могли иметь и воинские титулы. Рашид ад-Дин пишет об одном из старших эмиров Хулагу: «В это время Ханду-битикчию, одному из старших эмиров, попала в глаз стрела» [Рашид ад-Дин 1946: 43]. В другом фрагменте у этого же автора читаем: «Этот Куйду имел двадцать четыре сына; старшего звали Тукур-битикчи; он был эмиром сотни и прибыл в Иран на службу к Хулагу-хану в качестве секретаря; он вывез для него из Багдада казну и [все] добро [халифа] и отлил множество золотых балышей» [Рашид ад-Дин 1952: 134]. В «Юань ши» также упоминается битикчи Таргун, носивший титул «хорчи» ‘лучник’ [Анналы 2019: 39]. У Г. Дёрфера «хорчи» («корчи») переведен как Köcherträger=Leibgarde der Herrscher (оруженосец=телохранитель правителя) [Doerfer 1963: 429]. В поэме персидского автора XIII в. Тадж ад-Дина б. Баха’ ад-Дина (Пур-и Баха’), написанной в период правления ильхана Абаки (1265–1282), подчеркивается, что «мудрый улуг битикчи великого хана (здесь: ильхана. — Л. А., М. Г., И. М., Р. П.) тот, кто знает секретарское (т. е. чиновничье. — Л. А., М. Г., И. М., Р. П.) дело и обладает воинской доблестью» [Minorsky 1956: 265]. Правда, В. Ф. Минорский выдвигает предположение, что в данном случае монгольские титулы описывают «экзотические атрибуты» персидского покровителя поэта [Minorsky 1956: 269].

Уже во времена Чингис-хана рассматриваемая должность имела чрезвычайно важное значение для функционирования государственного аппарата. Для ее исполнения требовались особые компетенции, в первую очередь связанные с грамотностью и образованием, а таких в среде номадов было крайне мало [Бартольд 1968: 264]. Поэтому потребности ханской ставки в писцах удовлетворялись иноплеменниками — уйгурами, керейтами, киданями, китайцами, тангутами и хорезмийцами. Преобладающие позиции в этом деле занимали уйгуры, которые были прекрасными знатоками уйгурской графики и, очевидно, многие из них

владели монгольским языком. По своему культурно-экономическому потенциалу уйгурское население отличалось от остальных народов, окружавших владения Чингис-хана [Бартольд 1968: 255; Sinor 1982: 307; Базарова 2006: 127; Тугушева 1977: 281–282]. Вероятно, количество уйгуров, находящихся на службе у монголов, еще более возросло после установления союза с идикутом Барчуком в 1209 г. Исходя из этих фактов можно утверждать, что при назначении на те или иные должности гражданского управления монголы руководствовались, прежде всего, способностями и лояльностью претендентов, вне зависимости от их этноконфессиональной принадлежности, что можно наблюдать и в нашем случае. Должность улуг битикчи поручалась некоему Ямин ад-Дину, который, по-видимому, имел персидское происхождение.

Характеризуемая в статье должность в сохранившихся золотоордынских материалах не представлена. Но в джучидских актовых материалах мы встречаем сообщения о писцах-делопроизводителях ханской канцелярии — *dīwan bitkāčeläre* [Березин 1851: 13, 18], что может свидетельствовать о роли, которую играли делопроизводители в системе государственного управления. Третья часть инскрипции джучидских жалованных актов включает в себя обороты, перечисляющие высших и местных исполнителей предписаний указа, и является наиболее обязательным компонентом статьи: «Он представлен в 34 случаях из 37 возможных. Показательно и месторасположение его внутри третьей части адресата: 30 раз он стоит на первом месте, 3 раза — на втором и лишь один раз — на третьем» [Усманов 1979: 213, 220]. В целом этот термин характерен для всех разновидностей чингизидских жалованных ярлыков. Но следует особо подчеркнуть, что в приведенной части инскрипции джучидских жалованных грамот говорится о главных инспекторах-делопроизводителях правительственной канцелярии, поэтому их следует отличать от писцов-исполнителей, называемых в ярлыках бакши, катиб [Усманов 1979: 221].

Таким образом, в номенклатуре должностей Монгольской империи улуг битикчи имел достаточно высокий статус, поскольку его компетенции в первую очередь были связаны с вопросами финансового обеспечения деятельности государственного аппарата. По мнению авторов, складывание полномочий этого должностного лица начинается еще при Чингис-хане и окончательно оформляется при Угэеде. Установление монгольской власти в Иране привело к внедрению в бюрократическую структуру завоеванной страны новой должности, характерной для монгольской администрации, что объяснялось необходимостью установления контроля за сбором налогов и пошлин со стороны новой династии. Текст анализируемого документа дает основание утверждать, что существование этой должности было привычно для монгольской власти, и сохранялась она до тех пор, пока в Иране были сильны позиции и авторитет Чингизидов. Уже в первой половине XIV в. должность улуг битикчи утрачивает свое значение, и его функции переходят к более привычным для персидской системы фиска должностным лицам — везирам, мустауфи и пр. [Hope 2016: 119]. Не последнее значение, надо полагать, имел и процесс исламизации, который также выражался в замещении старых тюрко-монгольских терминов мусульманскими аналогами. Близкую картину можно наблюдать и в историко-культурном пространстве Золотой Орды, где со временем наименование должности битикчи также вытесняется.

Историко-правовой комментарий

Обращает на себя внимание обширная преамбула исследуемого ярлыка, в которой издавший его правитель выражает благодарность Аллаху за его «неисчислимы милости». Характерно, что в понимании адресанта такая благодарность может проявляться в том числе и в выдвижении на высокие посты лиц, имеющих отношение к духовной жизни и в то же время отличающихся соответствующими качествами и способностями для исполнения должностных обязанностей «точнейшим образом» и «наилучшим путем», чтобы правителю впоследствии не пришлось «сожалеть об оказанном [им] доверии»¹.

Витиеватый стиль и содержание этого элемента ярлыка, несомненно, свидетельствуют о существенном влиянии на делопроизводство в монгольском Иране персидской канцелярской традиции и в то же время сразу показывают, что этот ярлык ориентирован на мусульманскую аудиторию, т. е. оседлое население ильханата. В тюрко-монгольской канцелярской традиции, как правило, такие обширные и витиеватые преамбулы отсутствуют: адресант ограничивается достаточно кратким изложением конкретных причин издания соответствующих указов [Усманов 1979: 230–233]. Аналогичную ситуацию мы имели возможность наблюдать и в отношении ярлыков из «Дастур ал-катиб», которыми назначались на должности представители тюрко-монгольской «военной» администрации [Абзалов и др. 2022а: 778; Абзалов и др. 2022в: 300].

На должность улуг битикчи, согласно анализируемому документу, назначается некий ходжа Ямин ад-Дин. Поскольку в ярлыке (как, собственно и в других ильханских указах, вошедших в «Дастур ал-катиб») отсутствует датировка документа и даже указание имени издавшего его правителя, можно только строить предположения о том, кем являлся этот сановник. Из исторических деятелей периода ильханата, носивших это имя, наиболее известен некий эмир Йамин ад-Дин Мухаммад Туграйи ал-Фарйумади (умер в 1323 г.), являвшийся представителем знатного хорасанского рода и, к тому же, поэтом² [Фасих 1980: 51, прим. 222]. Каких-либо подробных сведений о его государственной деятельности не сохранилось, поэтому прямых оснований для отождествления ходжи Ямин ад-Дина именно с этим эмиром у нас нет. Тем не менее мы полагаем, что вероятность занятия им должности улуг битикчи не столь мала.

Дело в том, что в Монгольской империи и чингизидских государствах не существовало четкой зависимости между происхождением и профессиональной деятельностью. Соответственно, должность битикчи могли занимать как потомственные чиновники, так и представители других социальных групп. Были среди них представители знати — например, Сагиз, битикчи Тэмугэ-отчигина (брата Чингис-хана), был сыном уйгурского правителя [Анналы 2019: 80], а Абачи-битикчи — братом Борака, правителя Чагатайского улуса (1266–1271), т. е. прямым потомком Чингис-хана [Рашид ад-Дин 1946: 74]. В имперской придворной историографии даже упоминаются обладатели должности «эмир-би-

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по вышеприведенному переводу анализируемого ярлыка с персидского оригинала.

² Как и его сын Фахр ад-Дин Махмуд (умер в 1368 г.), более известный как «Ибн Йамин» и считающийся «официальным» придворным поэтом правителей государства сербедаров в Хорасане (1337–1381) [Фасих 1980: 59, прим. 268].

тикчи», либо эмиры, занимающие должность битикчи [Рашид ад-Дин 1960: 91, 98, 143–144]. В монгольском Иране XIV в. битикчи могли делать карьеру сами либо же обеспечивать ее своим детям. Вышеупомянутый канцлер Чинкай сделал выдающуюся карьеру, начав службу в качестве ханского телохранителя, в дальнейшем став судьей-дзаргучи, затем основателем и правителем (даругачи) селения, названного его именем и, наконец, высокопоставленным придворным сановником [Buell 1994: 171–182]. Мать ильхана Газана (1295–1304) являлась дочерью Кяхтера-битикчи [Рашид ад-Дин 1946: 138]. Ходжа Ходжеги был наибом и битикчи при Султан-Ахмеде из династии Джалаиридов (1382–1410), один из его сыновей стал наместником Султани, другой же — везиром [Хафиз Абру 2011: 239].

В ярлыке, как и в других ильханских указах о назначении на должность, подробно перечисляются качества претендента на должность улуг битикчи. Согласно тексту, Ямин ад-Дин был известен своими достоинствами («лучший из знаменитых мужей»), благочестием («прибегает к помощи Божественной благодати»), имел опыт работы на руководящих должностях, занимая которые, проявил себя «наилучшим образом» — опять же, демонстрируя приверженность к исламу и нормам шариата и, самое главное, был хорошо известен правителю, являвшемуся адресантом исследуемого ярлыка, «как по молве и разговорам, так и по [нашим] наблюдениям и [личному] видению».

Ямин ад-Дин назначается на должность улуг битикчи, т. е. главы писцов в масштабе всего государства — «Богохранимых пределов от границ Египта до берегов реки Аму-Дарья и от побережья Ормуза до Железных ворот». Таким образом, речь идет о руководителе центральной ханской канцелярии. Упоминание «пределов» в данном ярлыке имеет весьма важное значение, поскольку еще в эпоху Монгольской империи улуг битикчи мог быть главой писцов не только при хане, но и при ханском наместнике в каком-либо регионе. Например, хорезмиец Шараф ад-Дин был улуг битикчи при Аргуне из племени ойрат, наместнике Хорасана, назначенном на эту должность регентшей Туракиной-хатун (1241–1246); после его смерти эту должность по указу уже хана Гуюка (1246–1248) занял Ходжа Фахр ад-Дин Бихишти, а когда и он умер, по распоряжению золотоордынского правителя Бату (1227–1256), улуг битикчи Хорасана стал Ходжа Наджм ад-Дин Джилабади [Juvaini 1997: 507, 509, 523].

В 1306 г. ильхан Улджайту (1304–1316) своим ярлыком назначил Тагай-Бугу на должность улуг битикчи Герата [Хафиз Абру 2011: 51]. Под конец правления Тамерлана были казнены за должностные преступления «Ходжа Махмуд Давуда и Мухаммад Джалуда, которые были старшими [т. е. начальниками. — Л. А., М. Г., И. М., Р. П.] писцов и до сих пор, когда государь был в походе, они вели канцелярию Самарканда» [Йазди 2008: 335].

Далее в ярлыке перечисляются должностные полномочия Ямин ад-Дина, позволяющие сформировать достаточно полное представление о том, какое место занимал улуг битикчи в административной системе монгольского Ирана (и, вероятно, других государств Чингизидов рассматриваемого периода) и какие должностные функции за ним закреплялись.

Прежде всего, в его обязанности входило «принятие решений и взимание налогов и податей, относящихся к компетенции Дивана». Таким образом, основной сферой деятельности улуг битикчи являлись налоговые правоотношения. Согласно историческим источникам, в Монгольской империи и государствах Чингизидов институт битикчи в целом нередко был связан именно с отношениями в области налогов, сборов и повинностей и т. п. Так, в 1253 г. битикчи Берке провел перепись населения русских земель с целью определения суммы налогов в ханскую казну [Золотая Орда 2009: 190]. В конце XIII в. ильхан Газан (1295–1304) издал ярлык (фирман) об упорядочении налогообложения, для чего «во все владения» были направлены битикчи, в задачу которых входили, опять же, перепись населения и установление «денежного налога и податей» [Рашид ад-Дин 1946: 257]¹. В какой-то мере примыкает к этой сфере и деятельность битикчи, назначенных наместником золотоордынского хана Джанибека после победы над правителем Азербайджана Маликом Ашрафом для розыска и переписи его имущества, а также залогов и ссуд [СМИЗО 1941: 95].

Однако если в Монгольской империи налоговые функции битикчи сочетали с другими (собственно канцелярскими, следственными, административными, судебными и пр.), то в монгольском Иране и, скорее всего, в других чингизидских государствах рубежа XIII–XIV вв. в их компетенции оставались именно налоги и сборы, тогда как остальные их обязанности перешли к мусульманским чиновникам, инкорпорированным в систему управления улусами Чингизидов после принятия ими ислама. Неслучайно в ярлыках ильханов, начиная с этого периода, битикчи фигурируют в качестве адресатов только в документах, касающихся налогов, повинностей и налоговых иммунитетов [Рашид ад-Дин 1971: 206, 289], тогда как в остальных указах ильханов они упоминаются только как исполнители (писцы диванов, секретари судов и пр.) [Рашид ад-Дин 1946: 235–240] — руководящее положение в соответствующих органах занимают уже представители мусульманской администрации.

Следует обратить внимание, что в данном ярлыке речь идет об организации и осуществлении сбора налогов в масштабе всего государства, но при этом не со всех территорий. В ярлыке прямо указывается, что речь идет о владениях, «относящихся к компетенции Дивана», т. е. так называемых «диванных землях», которые можно соотнести с современным понятием «казенных» — в отличие от тех, которые непосредственно принадлежали ханам и правящему семейству, составляли инджу (наследственные владения) или вакфы [Петрушевский 1960: 257]. Именно поэтому улуг битикчи предписывается в рамках своих полномочий советоваться и согласовывать свои действия «с членами Дивана».

Далее налоговые функции улуг битикчи детализируются. Именно его прерогативой было «увеличение налогов, назначение интендантов и сборщиков налогов». Как видно из анализируемого документа, в его обязанности также входила проверка реестров доходов и расходов, равно как и составление отчетности по ним, «дабы в случае необходимости он мог ответить на адресованные ему

¹ Этим указом родовые вожди и эмиры — наместники областей фактически лишались права собирать налоги по причине многочисленных злоупотреблений, допускавшихся ими ранее в этой сфере, и функции сборщиков переходили именно к битикчи [Норе 2016: 171].

вопрось». Кроме того, он имел право составлять бераты¹ — грамоты, в которых устанавливалось жалование ему самому и его подчиненным из определенных «доходных мест».

Таким образом, согласно ярлыку, улуг битикчи выступает фактически главой налоговой инспекции, представители которой («назначенные им его помощники») также действовали в каждой области — естественно, речь идет о землях, находящихся в ведении Дивана. Финансирование их деятельности состояло из жалования и дополнительных местных сборов, суммы которых фиксировались в специальных реестрах.

Достаточно широкий круг адресатов ярлыка включает в себя представителей как военной, так и гражданской администрации. К первым относятся «эмиры улуса, туменов, провинций.., тысяч и сотен», ко вторым, соответственно — «члены Великого Дивана, хакиды и мутасаррифы областей». Именно с этими чиновниками улуг битикчи следовало взаимодействовать по вопросам налогообложения.

Позволим себе предположить, что сохранение должности улуг битикчи и, в частности, ее тюрко-монгольского наименования могло быть связано с тем, что ее обладателям приходилось активно взаимодействовать с представителями кочевой знати — тюрко-монгольской военной администрации, которые из поколения в поколение привыкли решать вопросы, связанные с налогами и повинностями, именно с этими сановниками. Тем самым ильханы монгольского Ирана (равно как правители и других улусов Монгольской империи) даже после провозглашения ислама официальной религией и проведения соответствующих реформ управления подчеркивали, с одной стороны, преемственность административных институтов от державы Чингис-хана, их сохранение в своих владениях, с другой же демонстрировали, что учитывают традиции взаимоотношений среди своих кочевых подданных. Вместе с тем распространение полномочий улуг битикчи и на оседлые области, а также предписываемое им взаимодействие с представителями мусульманской центральной и региональной администрации, свидетельствуют о процессе симбиоза иранских и тюрко-монгольских институтов власти, управления и правового регулирования, который подтверждается и другими документами из «Дастур ал-катиб».

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) улуг битикчи, несмотря на тюрко-монгольское происхождение названия должности, что прежде указывало на вхождение в сферу компетенции занимавшего такую должность чиновника дел, связанных с управлением тюрко-монгольским населением Ирана, относился к гражданской администрации

¹ Исходя из упоминаний бератов, в частности, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, можно сделать вывод, что они могли фиксировать ставки налогов и сборов в каждой местности, выдачу денежных средств (в том числе в долг: сохранились уйгурские договоры займа домонгольского времени, которые также оформлялись битикчи [Тугушева 2013: 51]), предоставление отдельным лицам, семьям и т. п. налогового иммунитета — полного или частичного [Рашид ад-Дин 1946: 248–249; Рашид ад-Дин 1960: 54, 116, 119, 143]. Таким образом, берат мог представлять собой и административное постановление, и жалованную грамоту, и долговую расписку.

государства, которое, как правило, ведало управлением оседлым мусульманским населением государства¹;

2) сопоставление результатов исследования данного ярлыка с наблюдениями, сделанными авторами статьи на основе изучения других ярлыков из «Дастур ал-катиб», подтверждает сохранение в ильханате значительного объема тюрко-монгольских традиций, в том числе в системе власти и управления; сохраняя столь специфический институт как улуг битикчи (и даже, более того, вписывая его в систему управления именно оседлым населением), ильханы старались продемонстрировать свою преемственность от Монгольской империи и ее основателя Чингис-хана, происхождение от которого по-прежнему оставалось основным фактором легитимации в рассматриваемый период;

3) внедряя тюрко-монгольский институт в систему управления именно оседлыми подданными, Хулагуиды и, вероятно, их преемники Джалаиры фиксировали взаимопроникновение двух систем управления и делопроизводства — тюрко-монгольской и персидской.

Источники

- Анналы 2019 — «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши») / подгот. изд., пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. М.: ЦИВОИ, 2019. 744 с.
- Березин 1851 — *Березин И. Н.* Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлуга и Саадет-Гирея. Казань: Тип. ун-та, 1851. 58 с.
- Золотая Орда 2009 — Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники / пер. с кит. яз., введ. ст. и комм. Р. П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. 336 с.
- Йазди 2008 — *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А. Ахмедова. Ташкент: SAN'AT, 2008. 486 с.
- Марко Поло 1997 — Книга Марко Поло / пер. с фр. И. П. Минаева; 4-е изд. // Путешествия в восточные страны / вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.
- Нахчивани 1976 — *Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани.* Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / крит. текст, пред. и указ. А. А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 526 с.
- Плано Карпини 2022 — *Плано Карпини И. де.* История монголов: текст, перевод, комментарии / под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова; пер. с лат. А. А. Вовина, П. В. Лукина; коммент. А. А. Горского, П. В. Лукина, С. А. Масловой. Р. Ю. Почкаева, В. В. Трепавлова; вступ. ст. А. А. Горского; В. В. Трепавлова. М.: Ин-т Дальнего Востока, 2022. 383 с.
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. Ч. 1–2. М.; Л.: АН СССР, 1938. 451 с.
- Рашид ад-Дин 1946 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. III. М.; Л.: АН СССР, 1946. 340 с.
- Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л.: АН СССР, 1952. 222 с.
- Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: АН СССР, 1960. 248 с.

¹ При этом в империи Юань битикчи (или лин-ши) в течение всего ее существования являлись писцами именно по монгольским делам [Ratchnevsky 1972: 27].

- Рашид ад-Дин 1971 — *Рашид ад-Дин*. Переписка / пер., введ. и коммент. А. И. Фалиной. М.: Наука, 1971. 500 с.
- СМИЗО 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: АН СССР, 1941. 308 с.
- Тугушева 2013 — Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана / пред., транскр., пер. Л. Ю. Тугушевой. М.: Наука, Вост. лит., 2013. 326 с.
- Фасих 1980 — *Фасих Хавафи*. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод) / пер., пред., примеч. и указ. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент: Фан, 1980. 346 с.
- Хафиз Абру 2011 — *Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи)*. Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э. Р. Талышханова; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: ЯЗ, 2011. 320 с.
- Хэй-да ши-люе 1960 — Хэй-да ши-люе (= «Краткие сведения о черных татарах») Пэн Да-я и Сюй-Тина / публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.
- Juvaini 1997 — *Ata-Malik Juvaini*. The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle; intr. by D. O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.
- Minorsky 1956 — *Minorsky V. Pür-I Bahā's 'Mongol' Ode (Mongolica, 2)* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 18. Issue 2. June 1956. Pp. 261–278.
- Ratchnevsky 1972 — *Ratchnevsky P. Un code des Yuan*. Vol. 2. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 200 p.

Sources

- Abu H. Zail-i Jāmi‘ al-tawārīkh-i Rashidi (Supplements to Rashid al-Din’s Compendium of Chronicles). E. Talyshkhanov (transl., foreword, etc.), I. Mirgaleev (ed.). Kazan: YaZ, 2011. 320 p. (In Russ.)
- Berezin I. N. Tarkhan Yarliqs of Tokhtamysh, Timur Qutluq and Saadet Geray. Kazan: Imperial Kazan University, 1851. 58 p. (In Russ.)
- Carpine G. da P. del. Ystoria Mongalorum: [Original] Text, Translation, Comments. A. Gorsky, V. Trepavlov (eds.), etc. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2022. 383 p. (In Russ.)
- Hubilai Annals (Juans 4 – 17 of Yuan Shi): A Major Source on the Era of the First Emperor of the Yuan Dynasty. R. Khrapachevsky (text prep., transl., foreword, etc.). Moscow: TsIVOI, 2019. 744 p. (In Russ.)
- Juvaini A.-M. The History of the World-Conqueror. J. Boyle (transl.), D. Morgan (introd.). Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p. (In Eng.)
- Khrapachevsky R. P. (comp., ed.) Golden Horde in Sources. Vol. 3: Chinese and Mongolian Sources. R. Khrapachevsky (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, 2009. 336 p. (In Russ.)
- Khwaifi F. Mujmal i-Fasihi (Compendium of Fasih). D. Yusupova (transl., foreword, etc.). Tashkent: Fan, 1980. 346 p. (In Russ.)
- Minorsky V. Pür-I Bahā's 'Mongol' Ode (Mongolica, 2). *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1956, June. Vol. 18. Is. 2. Pp. 261–278. (In Eng.)
- Nakhchivani M. ibn H. A Scribe’s Guide to Determining Ranks. A. Ali-zade (text, foreword, etc.). Vol. II. Moscow: Nauka, 1976. 526 p. (In Russ.)
- Peng Daya, Xu Ting. Brief Accounts of the Black Tatars. Ling Kyung, N. Munkuev (eds., comment.) *Problemy vostokovedeniya*. 1960. No. 5. Pp. 133–158. (In Russ.)
- Polo M. [Rustichello da P.] Book of the Travels of Marco Polo. I. Minaev (transl.). 4th ed. In: Travels to the Eastern Parts. M. Gornung (foreword., comment.). Moscow: Mysl, 1997. Pp. 190–380. (In Russ.)

- Poppe N. N. *Mongolian Vocabulary of the Muqaddimat al-Adab*. Parts 1–2. Moscow, Leningrad: Nauka, 1938. 453 p. (In Mong. and Russ.)
- Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Vol. 1. Book 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 222 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Vol. 2. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 248 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Vol. 3. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1946. 340 p. (In Russ.)
- Rashid al-Din. *Correspondence*. A. Falina (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, 1971. 500 p. (In Russ.)
- Ratchnevsky P. *Un code des Yuan*. Vol. 2. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 200 p. (In Fr.)
- Tiesenhause E. W. von. *History of the Golden Horde: Collected Materials*. Vol. 2: Selections from Persian Writings Collected by E. W. von Tiesenhause, Revised by A. A. Romaskevich and S. L. Volin. P. Ivanov (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 308 p. (In Russ.)
- Tugusheva L. Yu. *Official Uyghur Documents from Eastern Turkestan: 10th – 14th Centuries AD*. L. Tugusheva (foreword, translit., etc.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2013. 326 p. (In Uyg. and Russ.)
- Yazdi Sh. al-D. A. *Zafarnama*. Book of Victories [of Amir Timur]. A. Akhmedov (transl., foreword, etc.). Tashkent: SAN'AT, 2008. 486 p. (In Russ.)

Литература

- Абзалов 2013 — *Абзалов Л. Ф.* Ордынская канцелярия. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 311 с.
- Абзалов и др. 2022а — *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // *Золотоордынское обозрение*. Т. 10. 2022. № 4. С. 770–798.
- Абзалов и др. 2022б — *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* К вопросу о монгольском делопроизводстве в Иране XIII–XIV вв. (на примере ярлыка о назначении бахши из «Дастур ал-катиб») // *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 1. С. 130–155. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155
- Абзалов и др. 2022в — *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. № 14. 2022. С. 297–313.
- Базарова 2006 — *Базарова Б. З.* Монгольские летописи — памятники культуры. М.: Academia, 2006. 364 с.
- Бартольд 1968 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 759 с.
- Баскаков 1987 — *Баскаков Н. А.* К проблеме китайских заимствований в тюркском языке // *Советская тюркология*. 1987. № 5. С. 69–75.
- Владимирцов 1910 — *Владимирцов Б. Я.* Турецкие элементы в монгольском языке // *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. Т. XX. СПб.: Тип. Академии наук, 1911. С. 153–184.
- Габен 1986 — *Габен А. фон.* Культура письма и печатания у древних тюрков // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1: Древнетюркские языки и литература / сост. С. Г. Кляшторный, отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1986. С. 159–190.
- Григорьев 1978 — *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 136 с.
- Григорьев 2004 — *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2004. 276 с.

- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Те-нишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Зограф 1984 — *Зограф И. Т.* Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольских канцелярий в Китае. М.: Наука, 1984. 148 с.
- Кадырбаев 1983 — *Кадырбаев А. Ш.* О культурной роли уйгуров в империи Юань XIII–XIV вв. (по китайским источникам) // Актуальные проблемы советского уйгуроведения: мат-лы I Республ. уйгуроведческой конф. (г. Алма-Ата, 29–31 мая 1979 г.). Алма-Ата: Наука, 1983. С. 254–259.
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гунов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.
- Петрушевский 1960 — *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. М.; Л.: АН СССР, 1960. 492 с.
- Поппе 1941 — *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М.; Л.: АН СССР, 1941. 168 с.
- Севортян 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общие и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- Тугушева 1977 — *Тугушева Л. Ю.* О структуре древнеуйгурских текстов // Тюркологический сборник. 1977. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 265–285.
- Усманов 1979 — *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 318 с.
- Хатиби 1985 — *Хатиби С.* Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1985. 134 с.
- Buell 1994 — *Buell P.* Chinqai (ca. 1169–1252); Architect of Mongolian Empire. *Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz* / Ed. by E. H. Kaplan. Bellingham: Western Washington University, 1994. Pp. 168–186.
- Chavannes 1904 — *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser. II. Vol. 5. Leiden: Brill, 1904. Pp. 357–447.
- Chavannes 1905 — *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser. II. Vol. 6, 1905. Pp. 1–42.
- Chavannes 1908 — *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser. II. Vol. 9, 1908. Pp. 295–428.
- Cleaves 1951 — *Cleaves F. W.* A chancellery Practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. Pp. 493–526.
- Doerfer 1963 — *Doerfer G.* Turkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 1. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1963. 557 s.
- Doerfer 1965 — *Doerfer G.* Turkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 2. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1965. 671 s.
- Hammer-Purgstall 1840 — *Hammer-Purgstall J. von.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pest: C. A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.
- Hope 2016 — *Hope M.* Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. 238 p.
- Matsui 2016 — *Matsui D.* Uigur-Turkic Influence as Seen in the Qara-Qota Mongolian Documents // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета: сб. ст. / под ред. Н. Н. Телицина, Й. Н. Шена. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 559–565.
- Matsui 2018 — *Matsui D.* Old Uigur Legacy in the Mongol Decrees: Historical Background of the Timurid Work *Ḥaṭṭ-i Turkī* // *Machikaneyama ronsō*. Vol. 52 (History). 2018. No. 12. Pp. 1–27.
- Rachewiltz 1966 — *Rachewiltz I. de.* Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period // *Journal of Economic and Social History of the Orient*. 1966. Vol. 9. № 1/2. Pp. 88–144.

- Sinor 1982 — *Sinor D.* Interpreters in Medieval Asia // Asian and African Studies. Journal of the Israel Oriental Society (16), 3. 1982. Pp. 321–336.
- Ver 2019 — *Ver M.* Chancellery and Diplomatic Practices in Central Asia during the Mongol Period as Shown in Old Uyghur and Middle Mongolian Documents // Eurasian Studies. Vol. 17. 2019. Pp. 182–201.

References

- Abzalov L. F. The Golden Horde Chancellery. Kazan: Tatarstan Book Publ., 2013. 311 p. (In Russ.)
- Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. “Dastur al-Katib” as a source on history of state, law and chancellery culture of the Golden Horde (By the example of yarlighs on the appointment of emirs of the Ulus). *Golden Horde Review*. 2022. Vol. 10. No. 4. Pp. 770–798. (In Russ.)
- Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. Mongolian records management in 13th–14th century Iran revisited: Analyzing one yarliq appointing a bakhshi from Dastur al-Kati. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 1. Pp. 130–155. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155
- Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. New historical insights on protection of the trade routes in Genghisids states, 13th to 14th century. *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2022. No. 14. Pp. 297–313. (In Russ.)
- Bartold V. V. [Collected] Writings. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1968. 759 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A. The issue of Chinese loanwords in Turkic revisited. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1987. No. 5. Pp. 69–75. (In Russ.)
- Bazarova B. Z. Mongolian Chronicles — Monuments of Culture. Moscow: Academia, 2006. 364 p. (In Russ.)
- Buell P. Chinqai (ca. 1169–1252): Architect of Mongolian Empire. In: Kaplan E. H. (ed.) *Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz*. Bellingham: Western Washington University, 1994. Pp. 168–186. (In Eng.)
- Chavannes E. Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l’epoque mongole. *T’oung Pao*. 1904. Ser. II. Vol. 5. Pp. 357–447. (In Fr.)
- Chavannes E. Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l’epoque mongole. *T’oung Pao*. 1905. Ser. II. Vol. 6. Pp. 1–42. (In Fr.)
- Chavannes E. Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l’epoque mongole. *T’oung Pao*. 1908. Ser. II. Vol. 9. Pp. 295–428. (In Fr.)
- Cleaves F. W. A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. No. 3/4. Pp. 493–526. (In Eng.)
- Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Vol. 1. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1963. 557 p. (In Germ.)
- Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Vol. 2. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1965. 671 p. (In Germ.)
- Gabain A. von. Writing and printing culture of ancient Turks. In: Klyashtorny S. G. (comp.) *Turkic Studies Abroad*. A. Kononov (ed.). Vol. 1: Old Turkic Languages and Literatures. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 159–190. (In Russ.)
- Grigoriev A. P. *Collected Yarliqs [Granted] by Khans to Russian Metropolitans: A Source Study of Golden Horde Documents*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2004. 276 p. (In Russ.)
- Grigoriev A. P. *The 13th to 15th Century Diplomacy of Mongols: Revisiting Grant Charters Issued by Genghisids*. Leningrad: Leningrad State University, 1978. 136 p. (In Russ.)
- Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pest: C. A. Hartleben’s Verlag, 1840. 683 p. (In Germ.)

- Hope M. Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. 238 p. (In Eng.)
- Kadyrbaev A. Sh. About Uyghur cultural roles in the Yuan Empire: Analyzing Chinese sources. In: Topical Issues of Uyghur Studies in the USSR. Conference proceedings (Alma-Ata, 29–31 May 1979). Alma-Ata: Nauka, 1983. Pp. 254–259. (In Russ.)
- Khatibi S. Socioeconomic History of Khorasan, 13th–14th Centuries AD: Persian Documentary Sources Reviewed. Ashkhabad: Ylym, 1985. 134 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I. Nomadic States: From the Xiongnu to the Manchu. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 320 p. (In Russ.)
- Matsui D. Old Uigur legacy in the Mongol decrees: Historical background of the Timurid work *Ḥaṭṭ-i Turkī*. *Machikaneyama ronsō*. 2018. Vol. 52 (History). No. 12. Pp. 1–27. (In Eng.)
- Matsui D. Uigur-Turkic influence as seen in the Qara-Qota Mongolian documents. In: Telitsin N. N., Shen J. N. (eds.) Actual Problems of Turkic Studies. Collected papers. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016. Pp. 559–565. (In Eng.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Old Turk.)
- Petrushevsky I. P. Arable Farming and Agrarian Relations in Iran: 13th–14th Centuries AD. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 492 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Phagspa Script. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 168 p. (In Russ.)
- Rachewiltz I. de. Personnel and personalities in North China in the early Mongol period. *Journal of Economic and Social History of the Orient*. 1966. Vol. 9. No. 1/2. Pp. 88–144. (In Eng.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Word Stems Beginning with ‘B’. Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Russ.)
- Sinor D. Interpreters in medieval Asia. *Asian and African Studies. Journal of the Israel Oriental Society*. 1982. Vol. 16. No. 3. Pp. 321–336. (In Eng.)
- Tugusheva L. Yu. Structure of Old Turkic texts revisited. In: Turkological Collection — 1977. Moscow: Nauka — GRVL, 1981. Pp. 265–285. (In Russ.)
- Usmanov M. A. The Ulus of Jochi, 14th–16th Centuries: Grant Charters. Kazan: Kazan State University, 1979. 318 p. (In Russ.)
- Vér M. Chancellery and diplomatic practices in Central Asia during the Mongol period as shown in Old Uyghur and Middle Mongolian documents. *Eurasian Studies*. 2019. Vol. 17. Pp. 182–201. (In Eng.)
- Vladimirtsov B. Ya. Turkic elements in the Mongolian language. Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. Vol. 20. SPb: Academy of Sciences, 1911. Pp. 153–184.
- Zograf I. T. Mongolian-Chinese Interference: The Language of Mongolian Chancelleries in China. Moscow: Nauka, 1984. 148 p. (In Russ.)